

Веки Шэнь Цяо были слегка опущены, а лицо оставалось спокойным, подобно тихой озерной глади. В глазах остальных, бамбуковая палка в его руке следовала за его сердцем, без какой-либо закономерности или порядка, откликаясь лишь на прихоть.

Столкнувшись с таким непредсказуемым стилем, казавшимся совершенно бессмысленным, Дуань Вэньян не посмел отнестись к нему легкомысленно. Его лицо стало еще более серьезным, чем при сражении с Ли Цинъюем. За мгновение они успели обменяться сотнями ударов. Мужчины перемещались на крышу, с крыши на верхушку дерева, нигде не задерживаясь подолгу. То окунаясь в тень, то снова возвращаясь на освещенные участки, они сражались то яростно, то мягко. Скорость, с которой они сражались, была настолько быстрой, что те, кто были менее просвещен в боевых искусствах, не могли уследить за движениями, не понимая, что происходит.

Казалось, что Шэнь Цяо не показывал того, что занимал невыгодное положение.

Воспользовавшись тем, что Дуань Вэньян был занят сражением, члены семьи Су окружили Су Вэя. Су Цяо послал людей для сопровождения его матери и брата в дом, а сам остался наблюдать за боем, несмотря на свое ранение.

Чем дольше гости смотрели на сражающихся, тем больше поражались. А Дуань Вэньян был поражен больше всех.

Раньше, Шэнь Цяо никак не реагировал на насмешки Дуань Вэньяна и вздохи Ли Цинъюя. Все посчитали, что Шэнь Цяо практически уничтожен, как личность, и в нем не осталось не только духовных сил, но и гордости. Если он и мог восстановить свою репутацию, то восстановить боевые навыки ему было бы крайне сложно. А без должных навыков в мире боевых искусств ему не было места. Если Шэнь Цяо и пришлось положиться на защиту другого человека, каким бы сильным и могущественным тот не был, в глазах окружающих он оставался мусором. И любой мог бы позволить себе смотреть на него свысока.

Но получилось так, что этот «ничтожный человек», смог сделать то, что не удавалось совершить всем остальным — остановить Дуань Вэньяна. И не только остановить, но и уверенно сразиться с ним на равных. Многие согласились с тем, что глава школы горы Суаньду все же оставался главой школы горы Сюаньду. И несмотря на то, что титул «даосская школа номер один под Небесами» был весьма лестным, Шэнь Цяо не стал бы приемником Ци Фэнгэ без особой на то причины.

Если его навыки были почти на одном уровне с Дуань Вэньяном, как же он мог проиграть Кунье и оказаться в таком положении? Были ли на это иные причины, о которых не знали остальные?

Все эти мысли хаотично мелькали в головах зрителей, пока они с жадностью наблюдали за боем, опасаясь пропустить хоть мгновение. И мнение всех сводилось к одному — этот бой не уступал поединку Дуань Вэньяна с Ли Цинъюем.

Однако сам Шэнь Цяо не был так спокоен и расслаблен, как казалось со стороны. Дуань Вэньян действительно был очень силен, а его навыки превосходили Кунье. Эти утверждения были в полной мере правдивыми.

Причина, по которой Шэнь Цяо смог продержаться так долго, заключалась в том, что он все еще имел половину своей боевой мощи в основе, а Дуань Вэньян уже получил серьезное ранение в поединке с Ли Цинъюем. Боевые искусства школы горы Суаньду происходили из основ восьми триграмм Цзы Вэй Доу Шу, а также других астрологических школ. Навыки этой школы всегда были невероятно изящными и непредсказуемыми. Дуань Вэньян никогда не встречал такого стиля, найти момент для атаки оказалось довольно непросто, что его невероятно увлекало.

В глазах наблюдающих это был невероятный и ослепительный бой. Дуань Вэньян наносил кнутом удар за ударом, и каждый из них ужасал своей духовной мощью. Властная и дерзкая внутренняя ци, наполняющая кнут и создаваемые им образы, волна за волной обрушивались на Шэнь Цяо. Давление на него постепенно росло. И, как тончайший фарфор, прекрасный, но хрупкий, он не выдержал очередного удара.

Внезапно, бамбуковая палка треснула пополам. Ли Цинъюй тут же вытащил свой меч и бросил его Шэнь Цяо.

— Возьми его!

Шэнь Цяо прислушался к звуку летящего меча, протянул руку и ловко поймал его, не поворачивая головы. Одного взмаха хватило, чтобы Энергия Меча наполнила клинок, рассекая все девять созданных кнутом Дуань Вэньяна образов пополам!

Мгновенно рухнули тысячи гор. Подобно воде, хлынувшей через трещины, образовавшиеся в плотине, и заполнившей долины, Энергия Меча устремилась вперед с сокрушительной силой, будто ничто в этом мире не могло остановить ее! Выражение лица Дуань Вэньяна изменилось. Ему пришлось отказаться от атаки и немедленно отступить. Созданный кнутом образ мгновенно исчез, поглощенный белым светом.

Этот свет не был Энергией Меча, так как он был бесформенным и неосязаемым. От него не исходило ощущения внутренней ци. Он был легким и воздушным, как шелковая лента, тенью следуя за шагами противника. Создавалось впечатление, будто он имел собственное сознание.

— Что это? Это тоже Энергия Меча? - Чжан Цзыцянь не смог удержаться, чтобы не спросить об этом вслух.

— Нет, это Намерение Меча, - отозвался на его слова Сэ Сян.

— Почему же оно отличается от того, что использовал Ли Цинъюй? - спросил Чжан Цзыцянь.

Сэ Сян ответил:

— Намерение Меча, что использовал Ли Цинъюй было бесформенно, это же имеет форму.

— Бесформенное превосходит форму. Значит, Ли Цинъюй немного сильнее?

Сэ Сян спросил в ответ:

— Намерение Меча само по себе не имеет формы, так как же бесформенное может превосходить сформированное? Если кому-то удалось развить сформированное Намерение Меча, значит, человек уже постиг суть искусства клинка и находится на пороге уровня Сердца Меча.

Чжань Цзыцянь внезапно понял, о чем идет речь, и его впечатление о Шэнь Цяо тут же перешло из легкой привязанности к обожанию.

На этот раз Дуань Вэньян отступил более чем на десяток шагов. Несмотря на кажущуюся мягкость и слабость, сияющее Намерение Меча ничуть не сбавило натиска. Оно давило и терзало, не позволяя отступить.

Кнут столкнулся с Намерением Меча. Великолепное оружие, созданное из кожи аллигаторов и вымоченное в лекарственных отварах, оказалось разрезанным на части. Выражение лица Дуань Вэньяна изменилось, он стремительно ударил ладонью в сторону Шэнь Цяо, посылая внутреннюю ци. В одно мгновение, подобно облаку, поднимающемуся за отвесными скалами, как белая полоса тумана, тянущаяся через реку, гладь коснулась неба, слившись с ним в один цвет, не давая понять, где начало, а где конец!

Сияющая волна материализовалась в осязаемый поток и хлынула во всех направлениях. Все, кто это видел, невольно отступили на несколько шагов, прежде чем поняли, что то, что надвигалось на них, было не настоящей волной, а лишь остатками от волнообразного Намерения Меча.

Толпа снова пришла в себя, но они все еще чувствовали холодную влагу на своих лицах. И только сейчас они смогли в полной мере осознать, насколько мощным было Намерение Меча.

Чжан Цзыцянь нашел это невероятно захватывающим. Он не смог удержаться, чтобы не вытереть лицо рукой. Как и ожидалось, на его руке ничего не было. Однако Сэ Сян сказал ему:

— Это потому, что он не полностью достиг формирования Намерения Меча. Если бы Намерение Меча было полностью сформировано, нет никакой гарантии, что это не причинило бы нам вреда.

Чжан Цзыцянь всегда восхищался своим младшим братом и его проницательностью. Услышав

это, он спросил:

— Судя по тому, что я видел, его внутренняя ци не соответствует его Намерению Меча. Почему так?

Сэ Сян согласился, не отрывая взгляда от боя.

— Должно быть, он все еще страдает от полученной прежде раны, и его внутренняя ци восстановилась не до конца. Хотя он и постиг Намерение Меча, он не смог показать его лучшую форму. Боюсь, он долго не продержится.

Чжан Цзыцянь поспешно посмотрел на Шэнь Цяо. Он испытывал к нему привязанность, и потому не хотел, чтобы тот проиграл. Тем не менее, сквозь сияние меча и вихри образов кнута он с трудом мог различить фигуры сражающихся.

Дуань Вэньян был утомлен. Часть его хлыста была отрезана, и он страдал от полученных травм в бою с Ли Цинъюем. Он даже начал жалеть о том, что недооценил Шэнь Цяо. Несмотря на то, что внутренняя ци этого человека была довольно слабой, его Намерение Меча оказалось весьма яростным. Неважно, сколькими запасами силы обладал сам Дуань Вэньян, он не мог позволить себе терять ее так безрассудно. Заметив, что цвет Намерения Меча снова стал ярче и он испугался, что оно вернется в полной своей силе. Он тут же растерял остатки воодушевления для продолжения сражения. Он перестал атаковать и отступил, смеясь:

— Глава школы Шэнь, вы верны своему имени! Сегодня у меня есть неотложные дела, но я вернусь позже, чтобы снова просить у вас совета. Увидимся!

Никто не смог бы остановить его, если бы тот захотел уйти. Несмотря на то, что он родился в Тузцуэ, он обладал необычайной легкостью и плавностью движений. Никто не мог объяснить происхождение столь причудливой манеры движений.

Шэнь Цяо не последовал за ним.

Он был единственным человеком, который сражался и с Кунье, и с Дуань Вэньяном. Кунье был очень искусен. Однако, если бы Шэнь Цяо не был отравлен, он несомненно одержал бы победу на пике Полшага.

Но Дуань Вэньян был другим. Несмотря на то, что Шэнь Цяо утратил большую часть своих сил, он все еще обладал опытом и проницательностью. Шэнь Цяо был по-настоящему удивлен тому, насколько ужасающим оказался этот противник. Хотя со стороны и казалось, что он побеждает, Шэнь Цяо не чувствовал предела другого человека. Если бы битва продолжалась, изможденный Шэнь Цяо, несомненно, проиграл бы ему, но Дуань Вэньян все же предпочел отступить.

Он стоял на месте, пытаясь восстановить дыхание. Шэнь Цяо обнаружил, что Намерение Меча израсходовало более половины его внутренней ци, что ослабило его до такой степени, что он едва мог ходить. Он заставил себя вяло улыбнуться.

Ли Цинъюй подошел к нему.

— Глава школы Шэнь.

Шэнь Цяо развернулся к нему и передал Меч Осенней Воды.

— Благодарю, господин Ли, что одолжили мне свой меч. К сожалению, моя духовная сила недостаточно велика, и я опозорил такой прекрасный клинок.

Ли Цинъюй взял меч.

— Я сожалею о сказанном. Я был не прав. Прошу, не принимайте мои слова близко к сердцу.

С первого взгляда становилось ясно, что тот редко говорил в такой мягкой и сдержанной манере. Даже его извинения звучали холодно и жестко. Шэнь Цяо рассмеялся:

— Господин Ли, вы слишком вежливы. Если бы вы вовремя не одолжили мне меч, боюсь, я уже был бы мертв.

Его глаза все еще плохо различали предметы вокруг, поэтому со временем он выработал привычку щуриться. Несмотря на это, его глаза все еще выглядели тусклыми. Но когда тот ловил взглядом солнечные лучи, казалось, что в них пробегают мерцающий свет, заставляющий окружающих вздохнуть с сожалением.

Ли Цинъюй некоторое время смотрел на него, после чего внезапно сказал:

— Если вам некуда пойти, даосский храм Чуньян может с радостью принять вас у себя. Вам не нужно опускаться так низко, чтобы жить за счет других людей и привязываться к тем, кто вам не по душе.

Су Цяо, услышавший это, не мог не удивиться. В даосском храме Чуньян все знали о холодном, стальном сердце младшего брата и его единственном интересе — боевых искусствах. Он мог проявить небольшую теплоту в общении со своим учителем и соучениками, но не более. Но он никогда не слышал о том, что тот одобрительно смотрел на кого-то, не говоря о том, чтобы приглашать кого-то в даосский храм Чуньян. Кто бы мог подумать, что он станет настолько иначе относиться к какому-то незнакомому человеку, вроде Шэнь Цяо?

Шэнь Цяо тоже выглядел удивленным. На секунду он задумался, а после мягко улыбнулся:

— Благодарю за вашу доброту.

Шэнь Цяо лишь поблагодарил, но предложение было отклонено, так как он не стал уточнять, требуется ему это или нет.

Они были лишь двумя незнакомцами, сведенными случайностью. Между ними не было уз дружбы, и Шэнь Цяо не желал создавать проблемы даосскому храму Чуньян своими трудностями. Ли Цинъюй молча кивнул. Все еще держа меч в руке, он развернулся и ушел, не сказав ни слова.

Хотя никто не проронил и слова, люди, собравшиеся здесь, неизбежно относились к Шэнь Цяо с некоторым презрением и предубежденностью. Но после его боя с Дуань Вэньяном, у них больше не было подобных мыслей. Конечно, у него было преимущество второго боя, но в сложившейся ситуации, если бы не выступил он, кто решился бы остановить Дуань Вэньяна? И кто осмелился бы сказать, что сможет заставить этого человека уйти?

Взяв с собой братьев Су, госпожа Цинь, при поддержке своей служанки, подошла к Шэнь Цяо и низко ему поклонилась.

— Благодарю вас, господин Шэнь, что спасли моего сына. Прошу, примите искреннюю благодарность и почтение этой старой женщины.

Шэнь Цяо поспешно остановил ее.

— Вы слишком вежливы, не стоит. Со стороны Дуань Вэньяна было непочтительно возвращаться сразу же после того, как он ушел, еще и брать в заложники гуна округа Мэйян. Как ваш гость, я не мог оставаться в стороне.

Госпожа Цинь сказала:

— В любом случае, с этого дня вы желанный гость в нашем доме и благодетельный спаситель семьи Су. Наши двери всегда открыты для вас. Если у господина Шэнь возникнут какие-то просьбы, мы сделаем все возможное, чтобы выполнить их.

Пусть семья Су могла не так уж и много, но это обещание показывало искренность сердечной благодарности госпожи Цинь.

Празднование дня рождения госпожи Цинь завершилось из-за вмешательства Дуань Вэньяна. Все пришли в приподнятом настроении, но в конце разошлись разочарованными. Пулюжу Цзян вышел из Резиденции Су вместе с Шэнь Цяо. Он пригласил Шэнь Цяо к себе в другой раз, и после этого они расстались.

Шэнь Цяо уже собирался сесть в карету, когда его внезапно окликнул Чжан Цзыцян:

— Господин Шэнь! Подождите минутку!

Он почтительно сложил ладони перед Шэнь Цяо.

— Я хотел поговорить с вами раньше, но не нашел возможности. Могу ли я попросить вас об одном небольшом одолжении?

Шэнь Цяо удивленно посмотрел на него.

— Что такое?

Чжан Цзыцянь улыбнулся.

— Я хотел попросить вашего позволения нарисовать вас

Шэнь Цяо не мог не переспросить:

— Нарисовать?

Чжан Цзыцянь воодушевленно ответил:

— Да! Я всегда очень любил рисовать. Особенно фей и небожителей. Но где в этом брэнном мире найти настоящего небожителя? Только когда я встретил вас, я нашел тот образ, который всегда представлял, думая о них. Поэтому, я хочу попросить вас стать моей моделью.

Шэнь Цяо получал самые необычные и странные просьбы, но еще ни разу его не просили стать моделью для картины. Он был удивлен и смущен этой просьбой, поэтому не знал, что на это ответить.

Сэ Сян прервал их беседу своим появлением, прерывая попытки уговоров Чжан Цзыцяня.

— Господин Шэнь, прошу, не воспринимайте все это, как оскорбление. Мой старший брат без ума от рисования, потому часто бывает несколько бестактен.

После этого, он почтительно сложил ладони перед Шэнь Цяо и схватил за плечи Чжан Цзыцяня, готовый увести его. Тот протестующе вскрикнул, но уступил силе Сэ Сяна. Он мог только оглядываться на Шэнь Цяо, крича вслед:

— Господин Шэнь! Прошу, не покидайте столицу в ближайшее время. Я обязательно как-нибудь навещу вас!

Шэнь Цяо улыбнулся, качая головой. После того, как он сел в карету, он достал платок и выплюнул на него сгусток крови. Взгляд мужчины наполнился усталостью и унынием.

Дуань Вэньян был ранен им, и тому потребуется как минимум полмесяца, чтобы излечить свои раны. Но и сам Шэнь Цяо не получил никаких преимуществ. Он повредил свою внутреннюю энергетическую структуру и просто терпел боль все это время.

Сэ Сян, должно быть, тоже понял это. Потому и помешал Чжан Цзыцяню и дальше задерживать Шэнь Цяо.

Янь Уши всегда любил роскошь. Его слуги знали, что ему нравится, потому сделали внутреннюю часть экипажа роскошной и удобной. После того, как Шэнь Цяо приказал кучеру возвращаться в резиденцию младшего наставника, ему больше не требовалось скрывать свое состояние. Прислонившись к борту кареты с измотанным видом, Шэнь Цяо на какое-то время провалился в сон, слегка хмурия брови.

Чрезвычайно измотанный, Шэнь Цяо глубоко погрузился в сон, не обращая внимания на происходящее снаружи. Проснувшись, он с удивлением обнаружил, что карета все еще двигалась. Это заставило сердце мужчины наполниться тревогой.

Он приподнял занавеску и выглянул из окна. Карета, похоже, уже была за пределами города, и теперь ехала по его окраинам. В любом случае, это точно не было путем к резиденции младшего наставника.

— Старый Вэй, это ты снаружи?

Никто ему не ответил, но карета стала постепенно замедлять ход, пока не остановилась совсем.

Человек, управляющий экипажем, обернулся. На нем по-прежнему была одежда старого Вэя, но лицо оказалось иным, нежным и с очаровательными ямочками на щеках, даже когда девушка не улыбалась. Шэнь Цяо все еще не видел достаточно ясно, но как только она заговорила, тот сразу понял, кто это:

— Я хочу сказать, что охрана семьи Су довольно небрежна. Все, что я сделала, так переделалась в одежду старого Вэя и надела бамбуковую шляпу. Пока я могу имитировать его голос, мне даже не нужно делать грим. Они совсем не заподозрили меня. В их резиденцию, с такой охраной, может свободно прийти и уйти любой желающий! Вы смогли помочь им прогнать Дуань Вэньяна один раз, но не сможете делать это постоянно, если он пожелает вернуться.

Шэнь Цяо только вздохнул.

— Где старый Вэй?

Бай Жун кокетливо улыбнулась, придавая голосу жалобный тон.

— Какая жалость. Почему же глава школы Шэнь так беспокоится о каком-то старике, когда перед ним такая красавица, как я? Почему вы совсем обо мне не заботитесь? МерТВ. Он мертв! Конечно же, я его убила.

Шэнь Цяо улыбнулся.

— Я неважно себя чувствую. Мне не стоило задавать этого вопроса. Такой умный человек, как ты, не стал бы затевать ссору с Янь Уши из-за какого-то возницы.

Бай Жун хихикнула.

— Я даже тебя похитила, какое мне дело до какого-то возницы? Ты сказал эти слова, потому что боишься, что я не скажу правду? Хорошо, хорошо, нет ничего плохого в том, чтобы сказать правду. Я действительно не заинтересована в убийстве такого ничтожества. Я лишила его сознания и оставила в конюшне семьи Су, предоставив его жизнь ему самому. Мне плевать, что с ним будет, даже если он попадет под копыта коня. Но, честно сказать, Янь Уши не очень-то хорошо с тобой обращается. Он знает, насколько слабое у тебя здоровье, и как часто ты харкаешь кровью, периодически теряя сознание, и при этом послал с тобой только одного возницу? Неужели он предвидел, что сегодня должно случиться?

Шэнь Цяо покачал головой.

— Тебе не стоит беспокоиться об этом. У нас совсем не такие отношения, как считают все вокруг. По какой же причине дева Бай привезла меня сюда?

Бай Жун внезапно наклонилась вперед, ее теплое, ароматное дыхание коснулось щеки мужчины. Шэнь Цяо нахмурился, непроизвольно делая шаг назад, чтобы избежать этого. Девушка попыталась схватить его. Бамбуковая палка Шэнь Цяо была сломана в резиденции Су, потому ее атаку пришлось заблокировать рукой. Они обменялись несколькими десятками ударов.

Движения Бай Жун были невероятно быстрыми, а ее пальцы принимали бесчисленные формы, создавая цветок. За время между двумя вдохами, этот цветок успел пройти весь путь от цветения и увясть. Взлет и падение, жизнь и смерть — все это уместилось в одно мгновение.

Однако, ее изысканные «Цветы лотоса» оказались заблокированы Шэнь Цяо. Казалось, он предвидел и рассчитывал каждое ее движение, каждый раз оказываясь быстрее, чем Бай Жун.

Бай Жун не видела сражения между Шэнь Цяо и Дуань Вэньном. По ее мнению, Шэнь Цяо все еще был слабым и болезненным, с такими же тяжелыми ранами, как в городе Хуай. Сейчас, когда Шэнь Цяо успешно блокировал все ее атаки, не стоило даже говорить, как сильно она

была удивлена.

— Я на самом деле не поверила, когда мне сказали, что ты убил моего младшего брата. Теперь, кажется, что это правда. Ты уже восстановил свои боевые навыки?

Сказав это, Бай Жун увернулась от атаки Шэнь Цяо. Она ловко обошла его и ударила по акупунктурной точке. После, она обняла его сзади и, вскинув голову, спросила:

— Как ты мог родиться таким красивым? Разве для даосского монаха это не преступление? С таким лицом, ты становишься конкурентом нам, ученикам Демонических школ!

Она легко поцеловала кончика носа Шэнь Цяо, когда говорила.

События развивались слишком быстро. Его внутренних сил едва хватало на то, чтобы сражаться с ней. Шэнь Цяо не ожидал, что она сделает нечто подобное, и был невероятно шокирован эти. Выражение его лица было ошеломленным.

Бай Жун весело хихикнула.

— Я хотела это сделать с тех самых пор, как впервые увидела тебя. Сегодня мое желание наконец-то исполнилось!

Он потерял способность двигаться, из-за заблокированной акупунктурной точки, потому принял решение оставить попытки сопротивления.

— Чего вы хотите?

Бай Жун незамедлительно ответила:

— Ты убил Хо Сицзина, и спрашиваешь, чего я хочу? Этот парень всегда умел хорошо подлизаться к Мастеру, и Мастер очень любил его. Поэтому он был невероятно расстроен твоим поступком. Он даже попросил меня привести тебя к нему, чтобы наказать!

Чем больше она смотрела, тем прекраснее казался ей Шэнь Цяо. Все в Хэуань были невероятно красивы: как женщины, так и мужчины. Но из-за того, что они часто практиковали Очарование, а так же вели себя довольно бесцеремонно, их красота никогда не давала людям необыкновенного ощущения холодного неземного восхищения. Если людей школы Хэуань можно сравнить с дьяволами, купающимися в желаниях смертного мира, то Шэнь Цяо был подобен идеальной статуе, установленной в храме на вершине горы, не знающей ни печали, ни счастья.

Но богохульников, в большей степени, вела жажда осквернения статуи.

Бай Жун весело сказала:

— Но я не хочу тебя отдавать сейчас. Ты такой красивый. Если ты попадешь в руки Мастера, боюсь, ты сильно пострадаешь под его пытками. Я не могу вспомнить всего из той части «Багрового Яна», что ты прочел в тот раз. Если ты согласишься пойти со мной и пересказать ее, чтобы я могла записать, то я отпущу тебя. Просто скажу своему господину, что я не соперник главе школы Янь Уши. Как насчет этого?

Шэнь Цяо спросил:

— Почему вы не просите меня процитировать еще и часть Блуждающих Душ «Багрового Яна», которая спрятана на горе Сюаньду?

Бай Жун рассмеялась.

— Думаешь, я настолько глупа? Я никогда раньше не слышала эту часть. Поэтому я не смогу сказать наверняка, намеренно ли ты путаешь порядок строк или зачитываешь мне случайные предложения из древних текстов. Но я помню большую часть Свободы Воли. Просто я не могу вспомнить ее целиком. Если ты попытаешься что-то перепутать или добавить лишнего здесь, по крайней мере, я это смогу понять.

Шэнь Цяо вздохнул.

— Что, если я не захочу сотрудничать?

Бай Жун ответила самым милым своим голосом:

— Тогда мне придется передать тебя моему господину. Я уверена, ты слышан о репутации моего учителя, Сан Цзинсина. Он куда более жесток, чем мой младший брат, Хо Сицзин. Он любит и женщин, и мужчин, и ему особенно нравится совершенствоваться через секс. Также он любит пытать людей в постели, пока те не умрут. Я даже представить себе не могу, во что превратится эта красота, если попадет в его руки!

Шэнь Цяо устало прикрыл глаза.

— Вы все считаете меня тигром, пойманным в ловушку в чистом поле, которого любой может задрать. И поэтому обращаетесь со мной так, как вам хочется, словно я муха в вашей паутине. Если это так, то как я могу не взять себя в руки? Пусть мне никогда не быть тем, кто притесняет других, я не могу позволить другим притеснять себя!

Бай Жун была застигнута врасплох. Прежде чем она смогла понять смысл слов Шэнь Цяо, она увидела, как тот протянул к ней руку и коснулся ее своим тонким пальцем.

— Течение Родниковой Воды? Когда ты выучил прием Родниковой Воды?!

Лицо Бай Жун исказилось от ужаса, и она поспешно отступила.

<http://bllate.org/book/14532/1287331>